

Последние годы в российской политике прошли под знаком борьбы за «русский мир», в основе которого, по мнению Кремля, находились языковые («русский мир – это сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»¹), религиозные («к [русскому] миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»²) и даже расовые особенности («русский мир» сплочен «не только нашим общим культурным кодом, но и исключительно мощным генетическим кодом»³) управляемого ими народа. Вторую колонку

- 1 Островский Е., Щедровицкий П. *Россия: страна, которой не было* // Русский архипелаг. 1999 (www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-rossia-no/).
- 2 Святтейший ПАТРИАРХ КИРИЛЛ. *Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь*. 2014. 8 сентября (www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html).
- 3 *Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014 года* (www.kremlin.ru/events/president/news/20796).

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ

«Имперских хроник» я хотел бы посвящать религиозной составляющей российской имперскости – так как сегодня эта ее основа претерпевает, вероятно, самые радикальные изменения.

* * *

Вряд ли кто-то решится поспорить с тем, что роль православия в становлении и формировании российской имперской доктрины огромна. Религиозная идентичность Руси стала формироваться после принятия христианства в конце X века – в период, предшествовавший великой схизме 1054 года, – однако уже тогда было ясно, что киевские князья предпочли именно византийскую версию христианства. Можно по-разному оценивать достоинства и недостатки православия и католицизма, однако нельзя не заметить два важных следствия «константинопольской христианизации». С одной стороны, русская письменность была разработана на основе греческого, а не латинского алфавита; богослужение велось на греческом языке, и русские земли оказались практически отрезанными от европейской культуры и европейских нововведений. (Хотя константинопольский Пандидактерион и может считаться первым европейским университетом, он пришел в упадок к XII веку, тогда как в западной части Европы образование начало быстро распространяться.) С другой стороны, расцвет Древней Руси пришелся на период после церковного раскола, а возвышение Московии – на время, когда Византия не то чтобы пришла в упадок, но доживала последние десятилетия. Иначе говоря, приняв православную версию христианства, Русь оказалась последовательницей гибнущей цивилизации и, соответствен-

но, восприняла ее крах как открывающуюся возможность «наследования». В дополнение ко всему этому события 1054-го, 1204-го и 1431–1449 годов формировали в московском правящем классе понимание не просто различности, а скорее враждебности двух ветвей христианства и, следовательно, непримиримости Руси и Европы.

Обретение русскими землями православной идентичности стало одним из фундаментальных факторов, определивших исторический путь сначала Московии, а потом и России – причем даже более значимым, чем последствия монгольского ига. Московское самодержавие, лежавшее в основе имперскости, в значительной мере основывалось на отсутствии тех «сдержек», которыми для европейских монархов были папские установления. «Приватизация» светской властью власти церковной, начавшаяся с переезда киевских митрополитов сначала во Владимир, а потом и в Москву в конце XIII – начале XIV веков, исключала возможность влияния церкви на политику. В русских землях были изначально невозможны аналогии путешествия Генриха IV в Каноссу к Григорию VII, вмешательства церкви в геополитические вопросы (вроде того, что было порождено знаменитыми буллами Александра VI) или относительно «травоядных» дебатов о судьбах колонизированных народов наподобие ведшихся в Вальядолиде. При этом крайне важным моментом является и то, что по мере упадка Византии и происходившего параллельно с этим превращения Московии, одного из русских княжеств, в царство, которое определяло судьбы всех русских народов, русская церковь стала претендовать на доминирующую роль во всем мировом православии. Родившаяся в начале XVI века доктрина, определявшая

Москву как «третий Рим», стала основой для установления на Руси патриаршества – и, учитывая, что к этому времени за пределами русских земель не существовало государств, управлявшихся православными монархами (Литва приняла католичество в 1386 году, а Сербия была завоевана османами в 1459-м), православие обрело в Московии не просто статус государственной религии, а характер главного элемента национальной идентичности. Если в Европе в это время начинали зарождаться национальные государства (*nation-states*), то в Московии возникло церковное государство (*state-church*) – причем именно церковное, а не религиозное, так как в его основе лежала не принадлежность к сообществу веры, а включенность в организационные структуры церкви и тождественного ей государства.

* * *

Подобное положение вещей распространилось с Московии на Россию по мере того, как она начала формироваться в XVI–XVII веках в ходе консолидации исторических русских земель; после захвата Новгорода и Пскова последовало дальнейшее расширение на Запад и Восток. Именно прочность православного элемента государственной идентичности, на мой взгляд, заставила новгородских и владимирских князей более последовательно бороться с западными крестоносцами, чем с монгольскими ханами, так как первые стремились распространять в русских землях католицизм, тогда как вторые были вполне веротерпимы. Причем я далек от того, чтобы утверждать полную тождественность церкви и государства в российском сознании – я лишь утверждаю, что защита православной веры и защита

страны порой сливались воедино без всякого принуждения со стороны власти, как то, например, имело место в Смуту начала XVII столетия, когда католичество поляков сделало их доминирование неприемлемым для значительных масс народа, хотя элиты были вполне готовы к компромиссам.

Так или иначе, Российская империя формировалась и развивалась как государство не только с четко выраженной религиозной идентичностью, но и с явной подчиненностью духовной власти светской – что разительно проявилось в упразднении патриаршества при Петре I и создании Синода как одной из бюрократических организаций. Стоит заметить, что православие в это время стало рассматриваться не столько как религия, сколько как элемент социального статуса, обеспечивающего права и обязанности подданного российской короны. Хорошо известно, что жившие на окраинах империи инородцы чаще всего освобождались от ряда податей и повинностей, в то время как, например, евреи, протестанты и католики могли рассчитывать на карьеру в тогдашнем обществе только после перехода в православную веру (что практиковалось в огромных масштабах). По сути, Россия стала одной из немногих европейских стран XVIII–XIX веков, где религиозная принадлежность была важной основой гражданства – и потому сотни православных немцев, французов и голландцев в ранге офицеров и генералов десятилетие за десятилетием вели русские армии в бой со своими бывшими соотечественниками.

Однако, что намного более важно, Россия начиная с XVIII века стала не только руководствоваться религиозными основаниями в отношении к своим подданным, но и учитывать их во взаимоотношениях с соседями. Если

в Европе в тот период религиозные войны ушли в историю, то в России они как раз только и начались: власти в Санкт-Петербурге активно поддерживали борьбу православных народов против османского ига, смело обосновывали свои притязания на новые территории религиозными факторами (тут сто́ит вспомнить, что именно с требования об установлении протектората над Валахией началась Крымская война 1853–1856 годов), а также активно поддерживали православные страны даже тогда, когда для этого не существовало никаких рациональных причин (один из таких случаев, относящийся к 1914 году, привел несколько позже к крушению самой Российской империи).

В то же время идентификация православия в имперский период с принадлежностью к русскому народу («всёя Руси», или одной из трех «Россий») имела еще одно важное и печальное следствие: по мере имперской консолидации России и углубляющегося понимания ее отличий от присоединенных колоний и владений власти начали усиленную русификацию православных на всех своих землях. В XIX веке российское правительство последовательно искореняло использование украинского и белорусского языков и отрицало культуру православных славянских народов настолько, что литературный украинский язык сохранялся в основном в австро-венгерских владениях, а самая фундаментальная «История Украины-Руси» была написана в Вене. Таким образом, православие, с одной стороны, культурно и геополитически объединяло Россию с теми странами, где оно также исповедовалось как общенациональная религия, но, с другой стороны, порождало искусственные разломы внутри собственно империи, где оно пыталось отрицать существовавшее

культурное многообразие именно из-за своей сращенности с государственным аппаратом.

* * *

Советский период принес страшные испытания православным клирикам и мирянам, но, судя по всему, не изменил традиционного для православия стремления пресмыкаться перед светской властью. Однако, как мы сейчас видим, не менее проблематичным для русской церкви стало приспособление к постсоветским реалиям – которые, казалось бы, должны были стать временем религиозной свободы и православного возрождения.

После распада Советского Союза сложилась ситуация, с которой Русская церковь никогда ранее не сталкивалась. Она оставалась, без всякого сомнения, основной и самой влиятельной православной конфессией, к которой по состоянию на середину 2010-х, относили себя около 90 миллионов человек (тогда же в Румынской православной церкви насчитывалось 15,5 миллиона, а греческой – 8,5 миллиона). Если значимые православные церкви тогда действовали в пределах собственных национальных границ (такими, в частности, были Греческая, Сербская, Румынская, Болгарская церкви), то Русская православная церковь оказалась единственной, распространившей свою юрисдикцию на четыре суверенных государства: Российскую Федерацию, Украину, Беларусь и Молдову. В каждом из них православные выступают доминирующей религиозной группой, а в подчиняющиеся РПЦ структуры включена подавляющая часть мирян. Пребывание первоиерархов Украинской, Белорусской и Молдавской церквей

в Священном синоде в статусе постоянных членов подчеркивает эту особенность. Однако события, последовавшие за распадом СССР, свидетельствуют о том, что религиозное самоопределение православных на территории бывшей Российской империи приходит во все большее противоречие и даже конфликт с государственным характером Русской церкви.

Оценивая нынешнюю ситуацию, я указал бы на то, что текущие процессы прежде всего свидетельствуют о несовершенстве православия с точки зрения его политического «самоопределения». То, что сейчас делается с Русской церковью, крайне напоминает происходившее с Римской церковью полторы тысячелетия назад. Тогда она, пострадав от императоров не меньше, чем Русская церковь от коммунистов, стала в 380 году государственной конфессией империи – но всего через сто с небольшим лет Западная империя распалась, и римские епископы вынуждены были распространять свою веру в странах, образовавшихся на ее осколках. Они несли именно христианское слово, а не политический интерес, но при этом всего через триста лет именно римский первосвященник короновал Карла как нового императора всей Европы. Потеряв своего «начальника», западное христианство возродилось как наднациональная, а по сути, мировая религия – общая для черни и монархов десятков европейских государств. В какой-то мере крах Советского Союза открывал такой же шанс и перед православной конфессией, однако ее погубила государственно-националистическая природа. Если после распада Российской империи большевики оказались достаточно умны, чтобы выстроить свою империю, не упоминая о доминирующей нации и лишь встроив

российскую республику в новый союз в качестве одного из многих элементов, то Русская церковь не нашла в себе сил предпочесть православие «русскости» и собственными руками создала коллизию, разрешить которую сегодня никто не в состоянии. И удивительно не то, что сейчас в Украине образована собственная поместная православная церковь или что местные структуры Московского патриархата пытаются подчеркнуть свою независимость, а то, что Русская православная церковь вообще смогла просуществовать все эти тридцать лет в странах, национальная идентичность которых естественным образом формировалась на преодолении «русскости».

* * *

История православной церкви в том виде, в каком она сформировалась в Восточной Римской империи, была неразрывно связана с государственной политикой. Начиная с V века от Константинопольского патриархата стали отпочковываться самоуправляемые церкви, так или иначе связанные с народами отдельных частей империи или отпадавших от нее фрагментов. С течением времени этот тренд только усилился: даже в землях, население которых принимало христианство византийского уклада, практически сразу возникали самостоятельные церкви – как в Болгарии в IX, в Грузии в XI или в Сербии в XIII веках. Сегодня ни одна из признанных православных церквей, кроме Русской, не окормляет население стран, независимых от правительства ее собственной страны (даже на Кипре, населенном этническими греками, имеется своя, Кипрская, церковь). И это выглядит столь естественным, что судьба РПЦ кажется предрешенной.

Идея «русского мира», с которой мы начали этот очерк, показалась современным российским вождям привлекательной по нескольким причинам. Во-первых, после краха Советского Союза новой России нужна была собственная идентичность, и ее, как казалось, проще всего было строить через эксплуатацию образа великого русского народа и великой русской истории. Во-вторых, все последние годы прошли в выстраивании связи государства и церкви (причем Русской церкви) как наиболее консервативного социального института. В-третьих, идея «русскости» отчасти соответствовала концепту «национального примирения» между Россией и представителями диаспоры, в том числе тех людей, которые бежали от коммунистических властей, и их потомков. Можно согласиться даже с тем, что «русский мир» был способен указать на принадлежность русскоязычных меньшинств, существующих во многих странах, к большой и значимой общности. Однако в то же время идея «русского мира» была изначально проигрышной в случае применения ее для обоснования имперских притязаний любого рода. Современный мир вовсе не враждебен многонациональным образованиям и интеграционным экспериментам (и об этом я подробно поговорю в следующей колонке), однако он очень чувствителен к попыткам организовывать межэтническое имперское строительство на этнических началах.

Русская православная церковь оказалась в мире XXI века проектом более русским, чем христианским – и это, вполне вероятно, приведет ее к коллапсу. Московская патриархия не осознала, что после 1991 года не существует ни Советского Союза как наследника той империи, в рамках которой она создавалась, ни той «всёя Руси», которой она до сих пор стремится управлять. В Кремле, на мой взгляд, совершили ошибку, сделав на РПЦ серьезную ставку в обосновании собственных геополитических притязаний. В отличие от католичества, где войны между отдельными католическими странами велись десятки раз на протяжении веков, не уничтожая церковного единства, православие всегда раскалывалось на части, как только дело доходило до попыток создания империи из относительно отдельных или обособившихся народов (достаточно вспомнить византийско-болгарские войны X–XI веков). «Русский мир», как и Русскую церковь, невозможно создать за пределами политически организованной России – и неизбежное крушение предпринятой Москвой попытки будет иметь для русского народа и русской культуры не менее тяжелые последствия, чем распады российской и советской империй. Вполне вероятно, что, стремясь исправить последствия «величайшей геополитической катастрофы XX века», российские власти неминуемо и быстро приближают величайший этносоциальный кризис XXI столетия...